

Николай Лука

Шуровка, лом, лопата, тачка
И уголь, словно чернозем, —
Перо, бутылка, "Примы" пачка —
Все, чем на сутки я снабжен.

Пишу и в зев кровавый топки
Бросаю корм и вновь пишу,
Курю... и пью подряд две стопки,
На топчане как липи лежу.

Мой рок — писать, пить, греть "систему",
Три дела в дело слив одно.
Мой рок — упорно лезть на стену,
И вместе с тем скользить на дно.

Шуровка, лом, лопата, тачка
И уголь, словно чернозем,
Перо, бутылка, "Примы" пачка —
Все, чем до смерти я снабжен.

. . .

Я научился плавать
В воронке от чьей-то бомбы.
Весной, еще снег лежал
Пеною ноздреватой
Средь елей, берез, осин
На липкой холодной земле.
Земля словно бредила летом,
Дыша тяжело в лихорадке.
Было гнилое время, —
Ночью мороз, а днем солнце;
И льдинки звенят, лужи блещут,
И кочки желтеют, и пар —
Ползет по низинам, оврагам.

Я научился плавать
В воронке от чьей-то бомбы,

Немецкой, а, может, русской.
За давностью лет поля,
Наверно, простив, забыли,
Но не простила память
Людская и боль души,
И слезы, и раны тела,
И смерть безымянная чья-то,
Быть может, на том самом месте,
Где я стою, восьмилетний,
После купанья в воронке
От чьей-то жестокой бомбы.

Влажный брусничный куст.
Я ягоду робко сорвал,
Но не попала в рот,
Сквозь пальцы сладость ушла.
Каплю крови на вате
Алеет она на снегу
У воронки от чьей-то бомбы.
Русской, а, может, немецкой.
Березы молчат. Они
После войны родились.
...Я научился плавать
Весной. Еще снег не стаял.

////////